

СЦЕНАРИИ

КИНОФИЛЬМОВ
АНДРЕЯ ЗВЯГИНЦЕВА

18+
содержит нецензурную
брань

**Андрей Звягинцев
Олег Негин
Владимир Моисеенко
Александр Новотоцкий
Сценарии кинофильмов
Андрея Звягинцева**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48810939

*Сценарии кинофильмов Андрея Звягинцева / [Андрей Звягинцев, Олег Негин, Владимир Моисеенко, Александр Новотоцкий]: Альпина нон-фикшн; Москва; 2020
ISBN 978-5-0013-9224-8*

Аннотация

Пять реализованных сценариев к кинофильмам Андрея Звягинцева:

«Возвращение»

«Изгнание»

«Елена»

«Левиафан»

«Нелюбовь»

Сценарии дополнены авторскими комментариями режиссёра, которые дают возможность увидеть рабочий процесс создания кинофильма.

Практически все сценарии, собранные в этой книге, публикуются впервые.

Содержание

Предисловие Андрея Звягинцева	7
Предисловие Олега Негина	17
Предисловие издателя	20
ВОЗВРАЩЕНИЕ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Андрей Звягинцев,
Олег Негин, Владимир
Моисеенко, Александр
Новотоцкий
Сценарии кинофильмов
Андрея Звягинцева**

Тексты публикуются в авторской редакции

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Работа с архивами *С. Ляшенко*

Корректор *М. Ведюшкина*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Иллюстрации *личный архив Андрея Звягинцева*

Постер «Возвращение» © *Atlantic Film and Smile*

Entertainment

Постер «Изгнание» © *Curzon World Limited*

Постер «Елена» © *Pyramide Films*

Постер «Левиафан» © *HUSKY*

Постер «Нелюбовь» © *Игорь Гурович / Ostengruppe*

© Андрей Звягинцев, Олег Негин, 2019

© Владимир Моисеенко, Александр Новотоцкий, 2000

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Предисловие Андрея Звягинцева

На творческих встречах у меня довольно часто спрашивают: «Каким должен быть сценарий, чтобы он заинтересовал вас?» Можно предположить, что любопытно это исключительно профессионалам – писателям и сценаристам, но я встречал похожий интерес и в аудиториях самых широких, не обязательно в условиях специализированных мастер-классов. Такое обстоятельство побуждает меня предположить, что вопрос этот занимает не только специалистов.

Именно по этой причине и чтобы ответить на вопрос публики о сценарии: «Каким же он должен быть?», я и согласился на предложение издательства о публикации книги. Нужно оговориться, речь здесь идёт только о том, каким вижу сценарий именно я, а если шире – каким видим его мы с моим постоянным соавтором Олегом Негиным. Есть разные мнения о том, что должно быть в сценарии, чтобы «продать его за миллион»; какие истории нравятся продюсерам и почему; как должно быть устроено драматическое повествование и каким оно не должно быть ни при каких обстоятельствах. Все эти споры и частные мнения кажутся пустыми. Человека нельзя научить рассказывать истории, если он не призван это делать. Максим Горький не учился в институте, который носит теперь его имя. Если у автора есть дар рассказчика, он чувствует *сам*, как нужно строить сюжет, он *сам* чувствует,

что тот или иной канон необходимо разрушить, чтобы найти новое выражение. Он чувствует сердцем – средоточием своего таланта, – как и о чём следует говорить. Обучением ремеслу можно и, наверное, нужно заниматься; кому интересно, пожалуйста. Вот только научить таким образом можно исключительно ремесленным «прихватам», «приёмам», «трюкам» и прочему барахлу, которому место в индустрии, но не там, где обитает искусство. Уверен, сценарий может быть любим. Годару вовсе не нужен был сценарий, фильм «торчал» у него в голове. Помню, по его завету я вышел на съёмку своей первой короткометражки «Выбор» с двумя страничками А4 и робкими заметками в них от руки. Все, кто говорят, что сценарий должен быть непременно таким или таким, водят вас за нос, продают то, чего не знают сами. Сценарий нужен: продюсеру – чтобы знать, во что он вкладывает деньги; режиссёру – чтобы контролировать происходящее на площадке и ясно помнить, что уже снято, а что только предстоит снять.

Сказанное выше только на словах звучит радикально. На практике всё обстоит так – текст сценария записан на бумаге: а) чтобы актёры могли выучить свои реплики заранее и б) чтобы у группы была возможность подготовиться к необходимости иметь на площадке нужный реквизит, костюм и прочие элементы кадра. Когда у всей группы в руках единый текст, в котором заранее согласованы детали материального мира, легче работается всем цехам. Это вовсе не значит, что

я не ценю огромную внутреннюю работу над замыслом и общей конструкцией сценария, в полной мере проделываемую автором, я говорю лишь о способе записи результатов этого труда, я предпочитаю держать в руках текст, который назвал бы технической записью.

Такое отношение к предмету можно назвать странным, но для меня сценарий не обязательно должен обладать достоинствами, отличающими хорошую литературу. В этом мы солидарны и, можно сказать, давно и совместно выработали общий язык с Олегом Негиным, моим соратником и другом, который написал четыре сценария из пяти, представленных здесь. Текст рассматривается нами, безусловно, как принципиально важное и первостепенное, но между тем промежуточное звено на пути к экрану. Мы согласовываем только общую канву сюжета, драматические узлы, какие-то значительные или незначительные детали. Остальную работу Олег ведёт самостоятельно. Это правильно ещё и потому, что, даже обсудив предварительно план, заранее зная сюжетную схему, я всегда читаю первый вариант как сюрприз, это всегда новая реальность для меня и всегда – волнующая. Крепости нашим творческим отношениям придаёт тот немаловажный факт, что мы со встречным доверием относимся к идеям друг друга и без обиняков, смело рассматриваем предложения по сокращениям или изменениям в диалогах или в общей композиции. Ну и, как правило, за месяц до выхода на съёмочную площадку всегда наступает такой момент, когда мы садимся

за текст вдвоём и чистим его уже набело, внося коррективы или даже значительные изменения.

Не хочу спорить с иными мнениями, потому что знаю, есть и те, кому нужен текст, поднимающийся до высот большого литературного стиля. Чья-то творческая фантазия и режиссёрская мысль воспламеняются от подробного описания, включающего в себя множество прилагательных форм, живописующих происходящее или атмосферу событий, подробные ремарки, детализирующие внутренние переживания или состояния героев. Олег уходит от этих элементов письма, потому что у нас нет в них нужды. Имена существительные, глагольные формы и, разумеется, диалоги – вот материя и плоть наших текстов. Наши персонажи «встают» или «сажаются», «входят» или «выходят», «закрывают» или «открывают» и всё реже «смотрят исподлобья», «смущённо прячут глаза» или «меланхолично покачивают ногой».

Строго говоря, почему я затрагиваю тут тему свойств или достоинств именно литературного качества сценарного текста и не нахожу для себя в них необходимости? Да просто потому, что в конце концов завершающие нюансы характеров или обстановки, состояний персонажей или ландшафта со всей неизбежностью будут продиктованы самой натурой: природным ли даром актёров, цветовым или световым наполнением интерьера, мизансценическим решением эпизода, силой и полнотой ветра, что будет гнать по небу кучевые облака или чёрную мрачную тучу. Одним словом, всё, что

по плечу литературному дару автора, в конечном итоге будет вписано в белое полотно экрана не пером писателя, а самой реальностью, собранной воедино рукой автора фильма. И это не значит, что таковым я объявляю режиссёра. Все, кто сделали фильм возможным, являются его соавторами: сценарист, оператор, художник картины, художник костюма, композитор, актёр, гримёр, монтажёр – все они полноправные авторы того, что мы с вами видим на экране.

В этой книге пять полнометражных сценариев, но сказать несколько предваряющих слов я хочу только о первых двух, поскольку три последних сценария – это наши с Олегом самостоятельные тексты, не опирающиеся ни на какие литературные источники, созданные исключительно по воле вдохновения и в лоне нашего творческого союза, другими словами исключительно авторские вещи. История их создания, возможно, когда-нибудь будет описана авторами, но не в этом сборнике. Два других текста – каждый имеет свою историю, и будет правильно поделиться здесь некоторыми деталями этих историй.

«Возвращение». Сценарий, по которому был снят фильм, носил название «Ты» и написан был Владимиром Моисеенко и Александром Новотоцким. Прочёл я его в январе 2001-го, но решил взять за основу своего первого фильма только летом, спустя полгода. Тогда-то мы с ними впервые и встретились. Работали вполне слаженно и плодотворно; оба автора с лёгкостью принимали мои предложения по переработке

сценария. Я называю это творческой отзывчивостью – увидеть в чужих идеях смысл, впустив их в пространство своего замысла. Помню реплику Володи Моисеенко: «Андрей, если вдруг этот фильм не будет снят, позволишь нам оставить твой вариант финала?»

Однажды, уже весной 2003-го, не без волнения и трепета я пригласил их впервые посмотреть готовую картину к себе домой. Выяснилось, что всё это время мы с Новотоцким жили по соседству. Тогда я обитал в Большом Сухаревском переулке. Он жил на той же улице, буквально в сотне метров от моего дома, на противоположной стороне.

Володя умер 22 марта 2011 года, когда ему было всего 48 лет. Три года спустя, в 2014-м, и так же в конце марта, 25-го числа, ушёл и Александр, ему исполнилось 55.

За время совместной работы у нас не возникало неразрешимых противоречий, что, на мой взгляд, является несомненной заслугой ребят. И только после выхода фильма в прокат, когда в прессе появился ряд статей, авторы которых по-своему интерпретировали то, что являлось материалом моих интервью, между нами пробежала искра недоверия. Ребята позвонили мне и выразили недовольство тем, что пресса описывает сценарий как «гангстерский триллер», который был «существенно переработан режиссёром и превращён в притчу». Доказать, что я не произносил таких слов или по меньшей мере не так прямолинейно высказывался на этот счет, было невозможно, и потому я предложил им опубли-

ковать оригинальную версию сценария. Так мы и поступили. В первом номере журнала «Киносценарии» за 2004 год был напечатан вариант текста, который впервые попал мне в руки.

В память о них я и в этом сборнике решил предложить читателю оригинальный текст.

Там даже имена героев другие: Андрей и Иван в фильме – в сценарии названы были Арчилом и Давидом. Кстати, это тот пункт, за который авторы держались, что называется, обеими руками. Это можно понять – за время работы над текстом их герои сроднились со своими именами накрепко, навсегда. Я знал определённо, что имена нужно менять, но решился поговорить с ними об этом только за день до отъезда в экспедицию. На моё счастье, они вдруг с лёгкостью согласились с моим предложением.

В 2004 году публикацией в журнале наш пустой конфликт мы разрешили, но именно тогда я сформулировал для себя, что киносценарий – плод вдохновения, таланта и труда сценариста – является промежуточным звеном между замыслом и тем, что в результате будет являть собой готовый фильм. В этой связи можно было бы сказать, что режиссёр – такой же автор своего фильма, как сценарист – автор своего сценария. Однако всё не так. И режиссёр, и сценарист – если это не одно лицо – как сиамские близнецы, оба и есть авторы фильма.

«Изгнание». На титуле публикуемого здесь текста только две фамилии: Олега Негина и моя. Имени Артёма Мелкумя-

на, с которого всё началось, в книге нет, хоть оно и значится в титрах фильма. А история такая. Как-то весной 2004-го мне передали сценарий кинооператора Артёма Мелкумяна, который назывался «Запах камня». Это был волнующий, замечательный текст адаптации произведения Уильяма Сарояна «Что-то смешное. Серьёзная повесть». Артём сам написал сценарий по мотивам этого произведения. Когда мы с ним вскоре встретились, он сказал, что доверяет мне полностью, потому что видел мой фильм «Возвращение».

Я знал, что материал ждёт доработки и, кроме того, требует собственного взгляда на историю, рассказанную в повести Сарояна. Поскольку мы с Артёмом совсем не знали друг друга, а для того, чтобы сотрудничать, нужно было бы потратить немало времени, чтобы сблизиться, почувствовать общие интенции в отношении кино как такового, другими словами стать соратниками. Такое сближение не гарантировано и, кроме потраченного времени, обязательно потребует усилий с обеих сторон. Мне было комфортнее работать с Олегом, с которым у нас уже было в запасе несколько собственных идей, понимание друг друга и желание двигаться дальше совместно.

Мы с Олегом сели за стол и зимой – летом 2005-го перерабатывали сценарий.

Спустя два года, в мае 2007-го, фильм был готов и на показ для съёмочной группы я пригласил Артёма Мелкумяна. К сожалению, картина ему не понравилась, притом настоль-

ко, что теперь, когда впервые встал вопрос о публикации сценария, он предпочёл снять свою фамилию с титула. Я решил, что об этом необходимо сказать здесь, в предисловии к публикации.

Мне досадно, что фильм не был принят человеком, который стоял у истоков его рождения. Жаль, что я обманул доверие автора, но это лишний раз доказывает, что все мы разные и что даже один и тот же текст воспринимаем часто совершенно по-разному, притом будучи уверенными, что понимаем друг друга вполне. Посмотрев фильм, Артём примерно так и сказал с интонацией досады в голосе: «Там ведь совершенно другая история». Это обстоятельство лишний раз ставит вопрос о понимании как таковом: мы смотрим на один и тот же предмет, но видим в нём каждый своё.

Знаю, предисловия несут исключительно вспомогательную функцию – часто эти страницы так и остаются не читанными, – и всё же не могу оставить этот текст без финала.

Почему я не говорю тут о главном? Что есть замысел? Что есть идея? Откуда, из каких эмпирей спускается эта неожиданная, но так жадно призываемая гостья? Каким огнём обожжена та сила, что побуждает высказаться?... Дело в том, что это и есть главное, с чего начинается любой фильм, любой творческий акт; то, чему никогда и никто тебя не научит; что нельзя выразить, потому что это сама поэзия. Есть только факт творчества, он всегда переживается изнутри, как сон, который не скажем – никто не увидит его таким, каким он

явился тебе. Это тот зов, который просвечивает сквозь строки текста, та божественная глина, которой склеен скелет сюжета. Другими словами, тайна творчества, о которой невозможно сказать ничего, кроме того, что она существует.

Москва, 2018

Предисловие Олега Негина

*Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка!
Не проси об этом счастье, отравляющем миры!
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое тёмный ужас начинателя игры!*

Киносценарий – не самостоятельное литературное произведение. В этом мы с Андреем сошлись как-то сразу, с первых минут знакомства. Да, текст сценария – это основа, своего рода документ (он скорее подобен карте, которую составляет первооткрыватель, – по ней потом пойдёт основная группа), в нём есть своя красота, стройность, но, по возможности, из него убрано всё излишнее, в нём, так сказать, нет автора, он обезличен – но, увы, не *совершенно* – своеобразная манера изложения всё-таки присутствует, не боги горшки обжигают.

Режиссёр, оператор, художник, звукорежиссёр, художник по костюмам, монтажёр, писатель – все мы соавторы фильма. Творцы. Звягинцев – это не один, а три Андрея, и ещё Михаил, Олег и две Анны как минимум. А как максимум – это ещё и постоянная команда продюсеров и ассистентов режиссёра: по актёрам, по реквизиту, по поиску объектов...

Но начинается всё с идеи.

*Когда я ночью жду её прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске,
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостью с дудочкой в руке.*

Она приходит из ниоткуда. И сразу в сердце. И это в чистом виде работа вдохновения.

Несмотря на то что в нашей системе ценностей киносценарий не является самостоятельным литературным произведением, «муки творчества» при работе над созданием текста абсолютно такие же, как и при написании, скажем, какого-нибудь толстого романа: осмысление общей концепции, работа по сбору материала, сотворение персонажей, проработка сюжетных линий, мизансцен и диалогов, напластование смыслов... – сомнения, бессонница, радость неожиданных открытий, созвоны с соавтором в любое время дня и ночи... – но главное – вдохновение. Не только идея, но и сам процесс построения текста должны быть инспирированы свыше – и не с продюсерских заоблачных высот, не из администрации президента и даже не из кабинетов всемогущего Госдепа – «когда б вы знали, из какого сора...» – из сферических приходят эти звуки. И надо их уметь ловить, настраиваться, прислушиваться уединённо, отвечать на вызов, облекать в слова. Это называется – получить «права демиурга». Есть коннект, есть эффект. Иначе не стоит и пытаться.

Надо отдать должное Звягинцеву – он умеет слышать.

Умеет ждать. Позволяет «помучиться» от души, потрудиться вволю. Это крайне редкое свойство для кинорежиссёра. И это касается не только писательского труда. Все цеха, все Творцы наделены свободой творческого действия (в рамках замысла, конечно). В этом залог успешного движения, смысл соавторства, суть коллективной работы, без которой настоящего кино не бывает. Как сказал однажды Константин Лавроненко: «Вот оно, настоящее кино!»

Банально сравнивать режиссёра с дирижёром, а творческую группу с оркестром. Но не так банально, когда дирижёр, помимо прочего, ещё и композитор, ибо в этом случае он не только, что называется, одухотворяет партитуру новыми смыслами, но и практически воспроизводит себя. Я счастлив, мне повезло быть соавтором этой музыки, этой симфонии световых пятен, проецируемых на экран.

И хотя наши киносценарии не предназначены для чтения публикой, в их публикации, несомненно, есть толк.

...Мальчик, дальше! –

здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!

Но я вижу – ты смеёшься, эти взоры – два луча.

На, владей волшебной скрипкой, загляни в глаза чудовищ

*И погибни славной смертью, страшной смертью
скрипача!*

Батуми, 2018

Предисловие издателя

Эффект наблюдателя

Текст сценария возвращает нас в то время, когда фильма ещё не было. Погружаясь в этот момент, хочется увидеть не только окончательную редакцию, которая легла в основу киноленты, но и как менялся этот текст, что думал режиссёр в начале пути, с чем соглашался, а что исправлял. Совместная работа сценариста и режиссёра всегда остаётся за кадром. А ведь эти моменты невероятно интересны.

Работая над книгой и размышляя над её композицией, мы поняли, что нам самим хочется увидеть, как рождались фильмы Звягинцева. Идея «заметок на полях» показалась удачной. Дело оставалось за малым – узнать, как же всё было. Мы могли попросить комментарии у Андрея и Олега. Но тогда на выходе получили бы воспоминания, идущие из дня сегодняшнего, и не факт, что точные – скорее интерпретации. Это же не байки со съёмок вспоминать – здесь всё сложнее, да и воды сколько утекло. Важно было собрать заметки именно того времени, когда фильма ещё не существовало. Зафиксировать момент рождения произведения из вихря идей и образов.

Нам нужны были заметки на салфетках, записки, скетчи, снимки, обрывки бумаги, метки на полях сценариев. В результате мы отсняли 750 страниц рукописных текстов из

личного архива режиссёра. Конечно, большая часть сомнений, споров, альтернативных сюжетных линий и характеров не попадает на бумагу. Они остаются в головах создателей кино, в спорах за столом и на съёмочной площадке, после чего принятые решения навсегда фиксирует камера оператора. Но кое-что добыть нам удалось. Где-то заметки носят более технический характер, где-то это размышления, ремарки, идеи. После компоновки Андрей прошёлся по всем комментариям, чтобы удостовериться, что все они находятся на своих местах. Эти комментарии стали органичной и важной частью книги, обогатили её и дали возможность читателю заглянуть через плечо автора.

На просьбу побывать на съёмочной площадке Андрей часто отвечает тезисом из квантовой физики: «Наблюдение за электроном меняет его траекторию». Теперь у нас с вами появляется редкая возможность стать наблюдателями творческого процесса и одновременно увидеть результат – фильм и то, что происходило за секунду до.

Москва, 2019

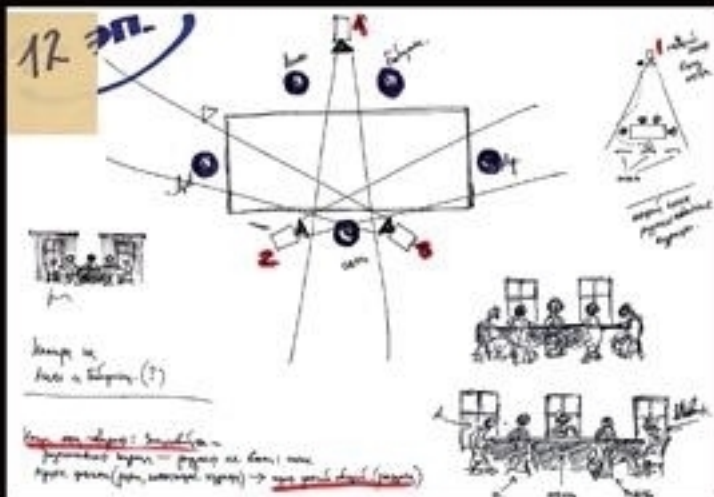
EN FILM AV ANDRÉ

Återkomst

GULDLEJONET
BÄSTA FILM

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Dealing
 of the
 flood
 and the
 situation
 in the
 street
 the
 situation
 is
 very
 bad
 and
 the
 people
 are
 in
 a
 very
 bad
 situation
 and
 the
 people
 are
 in
 a
 very
 bad
 situation

8830

Looking
 at the
 water

The
 water
 is
 very
 bad

The
 water
 is
 very
 bad
 and
 the
 people
 are
 in
 a
 very
 bad
 situation

ВЛАДИМИР МОЙСЕЕНКО

АЛЕКСАНДР НОВОТОЦКИЙ

*«Ты» – оригинальная версия сценария
кинофильма «Возвращение»*

2000

Ты.

Произнеси это слово, и ничего не произойдёт!

Ты – ни голоса, ни лица. Ты – темень.

Нет, вернее, между нами, которые тут, и тобою, который где-то там (а где?..), – бездонная пропасть слоистой вязкой тьмы, через неё не пробиться...

Твои фотографии – картинки про ничто.

Неохотные рассказы матери – ложь.

Твои письма, написанные быстрым и понятным почерком, – пожухшие цветы чужой осени.

Воспоминания?...¹ А что теперь вспомнишь?..

Я не помню, кто – ты...

Может быть, я ещё помню, что – ты?..

Ощущение жёсткой руки на влажных, мягких от пота волосах. Ощущение руки, только что остановившей бесконечную беготню моего детства.

Что она, эта рука?

Прикрывает она мою голову или клонит к земле?

Отпусти!

Отпусти, тебе говорю!

Я не хочу сидеть у тебя в ногах перед телевизором, в котором бегают футболисты!

Я хочу бегать сам!

А ты?!

А ты...

Слоистая вязкая тьма, через которую не пробиться².

Папа! Боже мой! Я никогда тебя даже отцом не называл!

Я так хочу к тебе!

Но как мне через эту тьму?!

¹ Под титры – изображение, стилизованное под домашнее 8-мм любительское кино. Отец и два мальчика: одному года три, другому – полтора. (М. б., в финале это изображение они вдвоём просматривают – но отца уже нет).

² Подводная панорама. Изгнившая, истлевшая лодка на дне водоёма. Тело мальчика вонзается в воду тут же над лодкой. Пространство-время слепилось в одной точке, в единственное время и пространство. «Алеф» Борхеса. Сегодня они ныряют в воды, в которых некогда утонул их отец; тот, кого они увидят впервые только завтра (!)

Может быть, если сказать это тяжёлое слово «отец», мир вывернется, и я пробьюсь к тебе.

Голос Арчила (*немного заплетающимся языком*). Ну, ну, ну, толстый...

Голос Давида. Не называй меня так... Ты на себя посмотри...

Арчил. Ладно-ладно, прости, братишка. Давай, Давид, скажи, что ты помнишь? Самое первое, ещё до той поездки?

Давид. Самое первое, да?.. Арчил, поверь, не место сейчас этим воспоминаниям. Когда-нибудь потом, хорошо?

Арчил (*с пьяным упрямством*). Давид, я хочу, чтобы ты сказал! Сказал сейчас!

Давид. О Господи! Да сиди ты! Хорошо... Самое первое? М-м-м... Сколько мне было тогда?.. Думаю, года три... Где это было, не знаю. Мы шли по какому-то бесконечному песку, как в пустыне...

День. Пустынное место. Толстый мальчик лет трёх, Давид, разомлевший, потный от жары, идёт по жёлтому мелкому песку. Не сам по себе идёт. Его тащит крепкая мужская рука, из которой не вырваться. Давид приседает время от времени с намерением сесть на этот песок и хоть ненадолго перевести дух. Рука рывком ставит его на ноги. Лицо Давида, и без того нерадостное, сморщивается в трагическую гримасу, за которой должен последовать горький оглу-

шительный рёв. Но Давид ограничивается двумя-тремя прерывистыми всхлипами.

Давид (*пищит*). Пить хочу...

Никакого ответа. Рука тащит мальчика. Ещё один безнадёжный всхлип и тяжёлый вздох. Плач не поможет.

Давид (*оттопыривает от обиды нижнюю губу*). Домой хочу... к маме...

Молчание.

За декоративной чугунной решёткой, ограждающей территорию дома отдыха, стоит мужчина в промасленной спецовке и кепке. Он наливает из эмалированного бидончика воду в крышку с отбитой по краю эмалью. Протягивает её сквозь решётку Давиду. Мальчик хватает крышку, жадно пьёт.

Мужчина. Вкусно?

Давид (*не отрываясь от крышки*). Угу...

Мужчина. Родниковая... Не спеши. Холодная. Ангину можешь схватить.

Давид (*не отрываясь от крышки*). Угу...

А тяжёлая безжалостная рука лежит на его хрупком детском плече. Рука дарит покой...

Тьма... Звуки застолья. Давид продолжает вспоминать.

Голос Давида. Вода была холодная. Скулы сводило, но вкусная!.. До сих пор помню этот вкус...

Голос Арчила (*разочарованно*). Всё, профессор? А я? А я что помню?.. Ехали куда-то... на велосипеде, что ли... У меня было сиденье на раме...

Через поле идёт ухабистая просёлочная дорога, покрытая потрескавшейся глиной. По ней, тарахтя, едет велосипед с моторчиком. Мальчик Арчил лет трёх сидит на прикреплённом к раме сиденье, отчаянно вцепившись в руль маленькими ручками рядом с большими мужскими руками, которые управляют велосипедом. У мальчика развеваются от встречного воздуха волосы. Он явно испуган, но всё равно кричит: – Дай мне порулить! Дай мне!

Мужские руки исчезают с руля, и малыш сам несколько мгновений ведёт велосипед. Он захлёбывается в счастливом крике...

Тьма³. Вновь неясные голоса, из которых выделяются два голоса.

Голос Давида. А я где был?

Голос Арчила. Тебя тогда вообще не было...

Давид. А ещё у него была фланелевая китайская рубаша. В синюю и красную клетку... Нет, серую... Не помню точно.

³ М. б., литографии в книге, библейские сюжеты: Авраам, Иаков – ветхозаветные сюжеты. «Ветхий днями», восседающий на сфере. Авраам приносит в жертву Исаака. С ножом, занесённым над головой. Искать. Доре или Карольсфельд (??)

Хорошо утоптанная площадка перед домом. За площадкой – сад. От тополя, что растёт у забора, к крыльцу дома протянута верёвка. На верёвке висит фланелевая рубашка в крупную зелёную и серую клетку. Ветер шевелит рубаху. Она, как живая, поднимает то один свой рукав, то другой. То раздувается, наполнившись ветром.

Голос Давида. Хорошо помню её на ощупь... Ощущение – мягкая. И запах...

Голос Арчила. Запах машины.

Давид. Ага. Точно. Она пахла машиной...

Во дворе, у самой кромки сада, стоит новенькая «Волга».

Давид (*продолжает*). Откуда она у него взялась?

Арчил. Давид, братишка, ты путаешь! Это уже было перед самой поездкой! Вспомни!

Давид. Перед самой поездкой?.. Да, да, да! Точно! Машина появилась перед самой поездкой... Выходит, так...

Арчил. Выходит, так, толстый!..

Давид. Арчил!..

Арчил. Ладно, профессор, не сердись! Дай я тебя поцелую!

На бельевой верёвке сушится чужая фланелевая рубашка. Во дворе – чужая машина.

Двое мальчиков – беленький десятилетний Давид и ху-

дой черноволосый двенадцатилетний Арчил – стоят во дворе⁴. Они только что подрались. Следы битвы слишком явные. Оба перемазаны в пыли. У Давида разбита нижняя губа. Из неё сочится кровь. Давид непрерывно сосёт её. У Арчила с мясом вырван карман на зелёной офицерской рубашке.

Арчил. Гости приехали... Вот достанется тебе, жирный! Посмотри, что с рубашкой сделал!

Давид. Ты губу мне разбил!

Арчил. За губу тебе ничего не будет, а вот за рубашку!.. Ещё гости приехали...

Мгновение, и мальчики напрягаются, как два гончих пса. Они видят, как с террасы в сад выходит мать⁵. Одновременно срываются с места. Бегут изо всех сил, чтобы опередить друг друга, подбежать к матери первым. Подбегают одновременно. И одновременно начинают орать.

Давид. Mamочка, мама! Он мне губу разбил – вот!

Давид оттягивает пальцами раненую и намеренно беспрерывным сосанием растравленную губу.

Арчил. Mamочка, зачем ты его слушаешь! Врёт всё, скотина жирная!

Давид. А! Он обзывается!..

Арчил. Рубашку мне порвал...

⁴ Титры разбивают повествование на дни недели. С воскресенья по субботу. С первого до седьмого дня.

⁵ Мать выходит из подъезда с зажжённой сигаретой. Становится возле перил. Курит. Сигарету, потому что сзади бегут дети, оборачивается.

Мать (*строгим шёпотом*). Так! А ну-ка, тихо оба!

Давид начинает всхлипывать.

Мать. Тихо, я сказала!.. Отец спит!..

Глаза мальчишек становятся круглыми от удивления. Челюсти отвисают. Куда девались обида и злость? Заворожённо смотрят на мать.

Арчил (*шёпотом*). Кто?..

Давид. Кто спит, мамочка?

Мать. Отец.

И только сейчас эта парочка бандитов замечает, что мама, человек, роднее которого не было и нет, стала какой-то другой – немного чужой, красивой женщиной с загадочной светлой улыбкой на губах.

Мальчишки входят в дом⁶. Скованные, испуганные, словно дом уже не принадлежит им в полной мере, как раньше, а возможно, и вовсе не принадлежит. Словно они забрались в чужие владения и в любой момент из-за угла может выскочить истинный хозяин. И что тогда? Тогда, как обычно: ноги в руки – и спасайся кто может.

Комната. Стол накрыт празднично. Будто Новый год наступил⁷. Вино на столе.

Бабушка сидит за столом, подпирая голову рукой. Платок

⁶ Дети уходят в дом. Мы остаёмся на матери. М.б., мать не погасила сигарету, а пристроила её на перилах крыльца, а когда дети пошли в дом, вернулась к сигарете... (?)

⁷ Стол был накрыт празднично. Теперь, после застолья, он выглядит немного разорённым. Недопитое вино.

сбился набок. Из-под него торчат жидкие седые волосы. Что-то шепчет, глядя в пространство, которое никто, кроме неё, не видит⁸. Всегда так сидит, когда доведётся выпить лишний стакан вина. Однако всё видит вокруг. Видит внуков. Прикладывает палец к губам, чтобы не шумели. Грозит кулаком. Получат оба, если будут шуметь.

Мамина спальня. Крохотная. Шкаф, где висят мамины платья. Зеркало-трюмо. Кровать.

На кровати лежит незнакомый мужчина⁹. Чужое лицо. Рука свесилась из-под одеяла. На огромном правом бицепсе та-туировка – обоюдоострый кинжал с крылышками¹⁰.

Арчил. Такие десантники колют...

Давид. Десантники-спецназовцы.

Арчил. А то я без тебя не знаю, умник!

Сзади бесшумно подкрадывается бабушка. Они замечают

⁸ Звук радио. Возможно, «Орфей». Что-нибудь из Моцарта... Профиль бабушки $\frac{3}{4}$ на фоне печки и углей тлеющих. В извечной позе «заботы», как страж, как скульптура. Она смотрит в пустоту прямо перед собой. Машинально собирает ладонью «несуществующие» крошки со стола. Медленно, именно что машинально... В конце сцены оборачивается на дверь, выйдя из сосредоточенного оцепенения, и не видит детей в проёме дверном – они уже ушли. Тлеющие угли крупно. Requiem. «Benedictus Domine». Из радиоприёмника. Едва слышно.

⁹ Ракурс взгляда: Андреа Мантенья «Мёртвый Христос». И ракурс, и «длинно-фокусная оптика» как в оригинале. Источник света – справа. Простыня. Поворот головы.

¹⁰ Меч на фоне крыльев. Меч и крылья. Не нож, так как нож – инверсия символики меча. Нож для убийства. Меч – для битвы. Меч европейской, но не восточной формы!!! Прямой, обоюдоострый с рукоятью, означающий религиозное очищение, соединение.

её присутствие только тогда, когда её сухие сильные пальцы хватают их за уши.

Давид и Арчил (*хором*). Ай! Пусти!

Бабушка (*шёпотом*). Идите отсюда! Пусть спит!

Прогоняет детей. Закрывает дверь в спальню. А мужчина ничего этого не видит. Он спит. Непроницаемый. Недоступный. Изваяние с синими, гладко выбритыми щеками.

Арчил и Давид сидят за столом. Их заставили вымыться, причесаться. Заставили надеть нарядные белые рубашки, школьные чёрные брюки с острыми, как бритва, стрелками. Заставили обуться в негибачаемые школьные туфли на резиновом ходу.

Стол убран и накрыт вновь. Постелена свежая белоснежная скатерть. Разложено старое серебро. Мама и бабушка сидят по бокам, как конвой¹¹.

И вот выходит он. Отец. Голый по пояс. Хмурый после сна. Садится за стол. Наливает себе вина, не глядя ни на кого.

Мальчики смотрят на него во все глаза¹².

А вот и его первый взгляд. Жёсткий, пристальный, острый, как нож, брошенный из-под нависших бровей. И тут же смягчившийся. И жёсткие тонкие губы расплзлись в подобие улыбки.

Отец (*матери*). Налей им вина.

¹¹ В интерьере, может быть, один или два очень изящных стула.

¹² Камера всегда на уровне Арчила и Давида!

Никаких возражений. Мать наливает вино. По полстакана каждому. Разбавляет его водой.

Отец (*Арчилу и Давиду*). Ну здравствуйте.

Давид. Здравствуй.

Арчил. Здравствуй... папа.

Отец. Выпьем.

Пьёт. Медленно пьёт, не спеша, одновременно следя за ними. Арчил пытается ему подражать, а Давид давится, будто пьёт противное лекарство. А отцу смешно. Смеётся, поставив на стол опустошённый стакан. Треплет Давида по мягким белым волосам.

Отец (*Давиду*). Ничего. Молодец. Вкусно?

Давид. Не очень.

Арчил. А мне понравилось. Ма, можно ещё?

Отец. Хватит. Закусывайте.

По-хозяйски разрывает руками жареную курицу¹³. Делит на всех. Маме и бабушке достаются крылышки. Давиду и Арчилу ножки. Остальное берёт себе. Впивается крепкими зубами в куриную грудку.

Арчил. Твоя машина во дворе?

Отец. Моя.

¹³ Руками отец преломляет курицу. Не хлеб, нет. Вино разливает детям сам? Или просит мать сделать это? Мать (?) наливает. Бабушка разбавляет (смягчает концентрацию) водой. В кувшине прозрачном – вода. Мизансцена – строгая, классическая. Окна как источники света за силуэтами старшего, отца (в центре) и младшего. Три просвета. Или только два? Мать поправляет волосы младшему. Он уклоняется от её нежности и заботы.

Арчил. Прокатишь?

Отец. Конечно. Мы с вами на машине в поход поедem.
Завтра.

Давид. Ух ты! Правда?

Отец. Правда. Поедем завтра утром.

Давид (*матери*). Правда, мам?

Мать. Правда, сынок...

Давид. Ух ты! Здорово! А рыбу будем ловить?

Отец. Конечно, если нравится...¹⁴

Свет уже погашен. И не слышно голосов взрослых за дверью. А мальчишки не спят. Лежат, каждый в своей кровати, с открытыми, блестящими в лунном свете глазами¹⁵.

Арчил (*шёпотом*). Толстый! Толстый!.. Жирняй!

Давид (*шёпотом*). Чего тебе?

Арчил. А грузила положил?

Давид. Положил... Ты сам положил.

Арчил. А! Точно!.. Видал, какой он?.. Здоровый! Качается, наверное...

Давид. Наверное... Откуда он взялся?..

Арчил. Приехал... А ты не рад, что ли?

¹⁴ Думать. Вставить эпизод (60–70 сек.). Общий план. Отец чинит машину. Лай собак.

¹⁵ Весь эпизод решить двумя точками. Но двумя крупностями. Пример освещения: «Пианистка» (Ханеке). Сцена ночью в спальне, истерика И. Юппер на груди у матери. Тёмная сцена. Видны только глаза. «Матовое» освещение. Свет луны (!!!)

Давид. Рад. Мама говорила, он лётчик. Что-то не похож на лётчика.

Арчил. Почему?

Давид. Ну, лётчики, знаешь... Форма. Фуражка...

Арчил. Если он в отпуск приехал, чего он будет в форме расхаживать? Она ему небось надоела уже...

Давид. Может быть... А ты леску мою положил?¹⁶

Арчил. Положил. И тетрадь взял.

Давид. Уроки делать собрался?

Арчил. Дурень! Дневник будем вести, каждый день. День ты, день я. Понял?

Мать входит в комнату¹⁷. Неожиданно, так, что они не успевают притвориться спящими.

Мать. Вы чего болтаете? Почему не спите?

Арчил. Всё, мама. Спим.

Повернулись на бок. Подложили ладони под щёку. Зажмурили глаза. Такие примерные. Мать кое-как сдерживается, чтобы не рассмеяться. Видит их рюкзаки, набитые под завязку. Приподнимает их.

Мать. Что это вы в них напихали? Кирпичи?! Куда столько? Завтра вечером уже дома будете!

Оба так и подскочили.

¹⁶ – Фотоаппарат положил?– Положил.– А плёнку зарядил?– Да...

¹⁷ И вход её, и голос – за кадром. Только сноп света из открывшейся двери говорит о её появлении. Камера – на уровне голов детей, поэтому тело матери режется выше талии. Слышен только её голос.

Давид. Там всё нужное!

Арчил. Снасти. Мы же рыбу собираемся ловить!

Мать. Ладно. Спите. *(Собирается уходить.)*

Давид. Ма, откуда он взялся?

Мать. Приехал... Спи, сынок. Завтра рано вставать.

Утро. «Волга» мчится по шоссе.

И вот они уже едут¹⁸.

Выехали рано утром. Солнце только-только вставало, а сейчас оно уже висит над деревьями справа от машины. Слепит глаза.

Мальчишки, не спавшие почти всю ночь, навёрстывают упущенное.

Арчил развалился на переднем сиденье, откинув голову. Дрыхнет с открытым ртом. На его коленях лежит карта района с нанесённым на неё красным фломастером маршрутом, прямым, как двухсоткилометровый отрезок шоссе, – путь от их дома до водопадов. Он хотел изображать из себя штурмана: отмечать в специально заведённом блокноте время и километры, подсказывать отцу названия населённых пунктов, но, как только машина выехала на шоссе, позорно задрых, откинувшись на сиденье¹⁹.

Давид клюёт носом на заднем сиденье, заваленном каки-

¹⁸ Коэновский план дороги (только дорога или с торпедой?).

¹⁹ Как это показать?

ми-то сумками, баулами, свёртками, которые заботливо собрали в дорогу мама и бабушка. На его коленях лежит тетрадь – дневник путешествия. То место, где сделана запись, заложено авторучкой...

Сквозь пелену неумолимо наваливающегося сна Давид видит затылок отца, его мощную загорелую шею.

Отец ведёт машину – уверенный, спокойный, выставив локоть в открытое окно. Время от времени он посматривает в зеркало заднего вида – на Давида.

Когда их взгляды встречаются, Давид поспешно отводит глаза, а во взгляде отца появляется улыбка.

Отец. Давид...

Давид. Что?

Отец. «Что, папа?»

Давид. Что?..

Отец. «Что, папа»! Почему ты не обращаешься ко мне так?

Давид (выдавливает из себя). Что... папа?

Отец. Вот! Уже лучше. Так почему?

Давид (растерянно). Я... Я не знаю...

Отец. Стесняешься называть своего отца отцом?

Давид (неуверенно). Н-н-нет...

Отец. Не врать мне!

Давид. Я не вру! Что вы... ты хочешь?!

Отец. Называй меня отцом, как положено сыну! Понял?

Давид. Да.

Отец. «Да, папа»! Чёрт возьми!

Давид. Да, папа!

Отец. Молодец, сынок. Проголодался?

Давид. Нет.

Отец. Не слышу!

Давид. Нет, папа!

Отец. А пить хочешь?

Давид. Не хочу!

И тогда отец, оставив дорогу, поворачивается к нему. Смотрит на сына. Холодный, жёсткий, жестокий взгляд. Возможно, в другой раз это произвело бы на Давида впечатление, но сейчас он с ужасом смотрит, как машину неумолимо уводит влево, а навстречу ей летят другие автомобили²⁰. Что нужно этому человеку?!

Давид (*со слезой в голосе*). Не хочу, папа! Не хочу, папа! Не хочу, папа!..

Огромный грузовик летит им навстречу. Водитель грузовика отчаянно сигналил.

Давид. Отец!!!

Ухмыльнувшись, отец отворачивается от Давида. Выравнивает машину на дороге. Грузовик проносится мимо. Мгновенно вспотевший Давид с ненавистью смотрит на затылок отца. А тот спокойно протягивает ему через плечо платок.

²⁰ Укрупнение. Разметка уходит вправо!!!Сложный трюк! Техническое решение пока не ясно!!! Необходима консультация с профессионалом (с каскадёром).

Отец. Вытри сопли, сынок.

Давид вытирает вспотевшее лицо, хочет вернуть платок отцу.

Отец. Оставь себе. Он тебе ещё пригодится. *(С улыбкой во взгляде смотрит в зеркало, в полные ненависти глаза сына.)* Поспи, сынок. Посмотри на своего брата. Железные нервы! Мы тут орали, а он даже не пошевелился. Хочешь спать?

Давид. Да... папа.

Давид откидывается на сиденье. Закрывает глаза.

Давид не заметил, как заснул...

Просыпается он от отсутствия движения. Машина стоит. Отца в машине нет. Арчил уже не спит, он смотрит в окно – на отца, который разговаривает по телефону в будке недалеко от бензоколонок.

Давид. Арчи, где мы?

Арчил *(поворачивается к брату)*. Проснулся, толстый! А я думал, ты всю дорогу проспишь!

Давид. Ты сам всё время дрых. Где мы?

Арчил берёт карту, тычет пальцем в точку, где они сейчас находятся.

Арчил. Здесь!

Давид²¹. Почти приехали.

Прячет дневник в рюкзак.

²¹ Искать новые имена для мальчиков. Арчил и Давид – переименовать. Думать (?)

Арчил. Ага. Ещё километров двадцать осталось.

Давид (*кивнув на отца*). Чего он?..²²

Арчил (*пожимает плечами*). Сказал, что нужно позвонить...

Давид. Есть хочется.

Арчил. Потерпишь. На месте пообедаем. Отец так сказал.

Давид. Да? Он так сказал?! А я сейчас хочу!

В окно видно, как отец вешает трубку. Идёт к машине, садится за руль.

Отец. Давид, достань, там, в рюкзаке... фляжка.

Давид открывает рюкзак, роется в нём.

Отец (*раздражённо*). Не там! В кармашке справа!

Давид открывает кармашек, достаёт из него плоскую жестяную фляжку, протягивает её отцу.

Отец. Спасибо.

Свинчивает крышку, делает несколько глотков. Арчил следит за ним.

Арчил. Пьёшь за рулём?

Отец. Пью. Хочешь?

Арчил оглядывается на Давида. Давид смотрит в окно.

Отец. Пей. Давид не станет рассказывать маме.

Арчил берёт из рук отца фляжку, делает глоток. Вдруг начинает задыхаться, кашляет. Едва успевает открыть дверцу. Арчила выворачивает на асфальт. Справившись со рвотой, он тяжело дышит.

²² Давид: Кому это он звонит? Арчил: Откуда я знаю.

Арчил. Что... Что это?..

Отец (*равнодушно*). Спирт. Дай-ка мне карту.

Арчил протягивает карту. Он хмелеет на глазах. На лице появляется дурацкая улыбка.

Арчил. Кайф! Здорово!

Отец (*внимательно изучает местность*). Угомонись!
(*Ткнув пальцем в карту.*) Вот сюда мы свернём.

Арчил. Это же другая дорога, папочка!

Давид (*заглядывает в карту через плечо отца*). Это ж какой крюк до водопадов!

Отец. Мы не поедem к водопадам. Я вам покажу другое место.

Давид. Что мама скажет? Она же нас сегодня обратно ждёт!

Отец. Боишься?

Давид. Нет, но...

Отец. Не хочешь провести лишнюю пару дней с отцом?
А, Давид?

Давид садится на место. Смотрит в окно.

Давид. Хочу, папа. Только мама будет волноваться.

Отец. Не будет. Она знает, что вы со мной. Ну что, едем?

Арчил. Едем! Едем!

Давид (*совсем тихо*). Едем...

Отец. Решено единогласно²³.

«Волга» трогается с места, съезжает с шоссе, едет по ас-

²³ Камера с точки зрения Давида (с заднего сиденья).

фальтированному ответвлению от основной магистрали.

«Волга» проезжает мимо указателя «Быстрореченск». Признаков городской жизни пока не видно. По обеим сторонам дороги стоит глухой сосновый лес.

Сам город начинается неожиданно с моста через речку Быстрая. Старые купеческие дома, одноэтажные постройки с садиками и только в центре – небольшой район высотных новостроек. Здесь же городская гостиница и кафе с вывеской «Закрыто» на дверях.

«Волга» останавливается возле кафе.

Отец устало откидывается на спинку сиденья, прикрывает глаза.

Арчил (*читает вывеску*). «Закрыто». Пап, кафе закрыто!

Отец. Сам вижу.

Давид. Можно поесть то, что мама с бабушкой положили.

Воды надо только купить.

Отец. Нет. Это нам ещё пригодится. Арчил, давай-ка выясни, где здесь можно поесть.

Арчил. Как это?

Отец. Ты что, тупой? У людей спроси! Найди! Давай, одна нога здесь, другая там!

Арчил, не очень довольный поручением и тоном отца, выбирается из машины.

...Арчил идёт по тенистой, засаженной тополями улице,

застроенной одноэтажными старыми домами²⁴. Навстречу ему идёт пожилая женщина.

Арчил. Извините, не подскажите, где здесь поблизости столовая или кафе? Где можно поесть?

Женщина. Покушать? (*Ненадолго задумывается.*) На рынке есть ресторан.

Арчил. Где это? Далеко?

Женщина. Рядом. Пойдёшь прямо по улице и как раз к рынку выйдешь.

Арчил. А он работает? Ресторан?

Женщина (*пожимает плечами*). Кто ж его знает...

Арчил. Спасибо.

Женщина. Не за что, сынок. (*Идёт дальше.*)

Арчил некоторое время стоит, раздумывая, возвращаться ли ему к машине или пойти на рынок проверить, работает ресторан или нет. Всё же решает проверить. Бежит по улице в указанном направлении.

...Под открытым небом стоят ряды столов, лотков, палаток.

Овощи, фрукты, мясо, вещи...

Арчил бежит вдоль рядов.

На краю рыночной площади – недавно отстроенное здание ресторана. На крыше укреплена вывеска «Охотник».

Арчил останавливается, пропуская двоих выходящих из ресторана мужчин, входит в двери.

²⁴ Этот эпизод заменить на обычный проход по улице. Объект искать на месте.

Прохладный уютный зал. Звучит негромкая музыка. Почти все столики свободны. Три официантки сидят у барной стойки, устроенной прямо в ресторанном зале. Одна из них обращает внимание на Арчила, стоящего у входа в зал.

Официантка. Мальчик, тебе чего?

Арчил. А у вас можно поесть?

Официантка (*сходя с высокого барного стула*). Можно. Садись за стол. Я сейчас меню принесу.

Арчил. Нет... Я... Меня папа прислал узнать...

Официантка (*забираясь обратно на стул*). А, папа... Передай своему папе, что у нас тут и поесть можно, и попить, и попеть, и потанцевать. Тридцать три удовольствия сразу... Подруги официантки смеются.

Арчил (*смущается, пятится к выходу*). Я... Мы сейчас...

«Волга» по-прежнему стоит возле закрытого гостиничного кафе.

Отец сидит за рулём.

Давид – на заднем сиденье.

Молчание.

Отец равнодушно смотрит в окно на прохожих.

Давид наблюдает за ним.

Неожиданно в глазах отца вспыхивает интерес.

Молодая женщина в очень короткой синей джинсовой юбке и обтягивающей жёлтой трикотажной кофте идёт по улице в сторону машины.

Отец внимательно и беззастенчиво разглядывает её ноги, высокую полную грудь, свободно колышущуюся под кофтой.

Женщина ловит на себе взгляд отца. На её губах появляется многозначительная улыбка. Поравнявшись с машиной, женщина то ли нарочно, то ли нечаянно роняет на землю сумочку. Наклоняется, чтобы поднять её. От этого движения её короткая юбка задирается ещё выше. При этом она пристально глядит в глаза отца, продолжая улыбаться.

Отец улыбается ей в ответ.

Давид (*орёт*). Папа! Папа!..

Отец (*резко поворачивается к нему*). Что ты орёшь?!

Женщина, подняв сумочку и поправив волосы, проходит мимо.

Давид. Я вот подумал... Арчи давно нет. Может, он заблудился? Может, мне пойти поискать его?

Отец. Сиди!

Отец оглядывается в заднее окно машины, пытаясь отыскать среди прохожих женщину в джинсовой юбке. Но она уже пропала, словно её и не было. Отец пристально смотрит в глаза Давида²⁵.

Отец. Ну и что?... Ты чего ухмыляешься?

Давид. Я?! Я не ухмыляюсь! Тебе показалось, папа!

Отец. Показалось? (*Кладёт руку на голову Давида. Несильно захватывает в кулак его мягкие белокурые воло-*

²⁵ Вся сцена решена изнутри салона. Вся сцена через зеркала (боковое, заднего вида). Девушка в зеркалах.

сы.) Хорошо, если мне это показалось.

Отец убирает руку. Смотрит на часы. Включает зажигание.

Давид. Мы уезжаем?! А как же Арчи?!

Отец. Я хочу есть. Захочет – найдёт нас.

«Волга» срывается с места. Едет по улице.

Арчил стоит на пяточке на рыночной площади²⁶. Он облизывает тающее мороженое и наблюдает за действиями напёрсточников, раздевающих подвыпившего дядьку.

Напёрсточник (*показывает шарик*). Видал? (*Прячет его под колпачок.*) Двигаем так, двигаем так! Раз, два, три! (*Ловко передвигает колпачки.*) Игра, доступная всем – от пионера до пенсионера! (*мужику*) Где?

Арчил видит, как мошенник спрятал мелкий поролоновый шарик в уголке мизинца. Пьяный ничего не замечает. Он показывает на средний колпачок.

Мужик. Здесь?

Напёрсточник. Уверен?

Арчил делает движение, чтобы остановить мужчину и объяснить обман, но его взгляд встречается с хищным взглядом напёрсточника. Тот подмигивает Арчилу. словно на-
ткнувшись на невидимую стену, Арчил останавливается.

Мужик. Уверен! Показывай!

Напёрсточник (*открывает пустой колпачок*). Не повез-

²⁶ М.б., «гаврики» нюхают клей? А Арчил смотрит на них.

ло! Играем ещё?

Неожиданно за спиной раздаётся голос:

– Арчил!

Арчил оборачивается. Отец стоит в трёх шагах от него, засунув руки в карманы джинсов. За его спиной – Давид²⁷.

Мороженое стекает по руке Арчила, но он этого не замечает, настолько поражает его взгляд отца. Холодный, полный угрозы.

Отец. Иди сюда!

Арчил, словно кролик под взглядом удава, подходит к отцу.

Отец. Что ты здесь делаешь?

Арчил. Я?..

Отец резко бьёт Арчила по руке, в которой тот держит мороженое. Мороженое падает в пыль. Давид, поджав губы, резко отворачивается, отходит на пару шагов. Стоит спиной к отцу и брату.

Отец. Я тебя спрашиваю, что ты тут делаешь?!

Арчил. Я... Папа, я нашёл ресторан! Там можно поесть!

Отец. Ты его искал три часа?

Арчил. Нет... Я просто хотел посмотреть, как они играют... *(шёпотом)* Я видел, как тот его обманул!

Отец. Мы, двое, ждём тебя одного. Думаю, этого больше не повторится. Так, Арчил?

Арчил *(опускает голову)*. Я просто хотел посмотреть...

²⁷ Камера всегда на уровне Арчила и Давида (!!!)

Отец. Отвечай! Так?

Арчил. Я больше не буду, папа...

Отец. Отлично. Пошли пообедаем.

Отец обнимает Арчила за плечи, ведёт его в сторону ресторана. Следом идёт Давид.

Отец, открыв дверь, пропускает детей в ресторан. Арчил входит, а Давид тормозит перед дверью.

Давид. Я не пойду.

Отец. Почему?

Давид. Я не хочу есть.

Отец. Ты же только что хотел.

Давид (*мотая головой*). Нет, я не хочу.

Арчил. Оставь его, папа. Он упрямый как осёл.

От явного предательства брата у Давида наворачиваются слёзы на глаза.

Давид. Ешьте сами. Я вас здесь подожду.

Отец (*взяв Давида за воротник*). Пойдёшь вместе со всеми. Здесь команду я.

Давид, засунув руки в карманы и всем видом изображая обиженную независимость, плетётся, шаркая, следом за братом и отцом.

Отец и братья сидят за столиком. Ресторан полупустой. К столику подходит официантка, протягивает меню отцу. Отец передаёт меню Арчилу.

Отец. Заказывай, Арчи.

Арчил (*смущённо*). А что заказывать?

Отец. Еду для нас.

Арчил. Я не умею.

Отец. Учись.

Арчил открывает меню, начинает изучать. Давид сидит за столом, отвернувшись от отца и брата, упорно разглядывая растущую в кадке пальму. Отец вынимает пачку сигарет и закуривает, выпуская дым колечками. Официантка ждёт с блокнотиком и карандашом.

Арчил. Суп будешь, папа?

Отец. Я буду то, что ты закажешь.

Официантка. Из первых блюд только царская уха и рассольник.

Арчил. Папа, а что такое «царская уха»?

Отец. Перед тобой официантка стоит.

Официантка (*постукивая карандашом по блокнотику*). Рыбный суп из осетрины. Вкусный.

Арчил. Три таких супа.

Отец. Арчи, я буду рассольник.

Официантка (*делая пометку в блокнотике*). Две царских, рассольник, что ещё?

Давид. Мне ничего не берите. Я не буду есть.

Официантка. Так две ухи или одну?

Арчил. Одну.

Отец. Две.

На столе стоят тарелки с супом, блюдо с хлебом, графин с соком и графинчик с водкой. Арчил и отец с аппетитом едят суп. Давид возит в тарелке ложкой. Отец искоса поглядывает на него, откладывает ложку, снимает с руки часы и кладёт перед собой на стол.

Отец. Давид, через минуту твоя тарелка должна быть чистой.

Давид. Я не хочу есть.

Отец. Время пошло. *(Наливает в рюмку водку из графина, выпивает.)*

Давид, глядя в стол, начинает играть куском хлеба, подбрасывая его над поверхностью щелчками пальца. После очередного подбрасывания хлеб падает на пол. Давид поднимает его и кладёт на край стола.

Отец. Ешь этот кусок хлеба.

Давид. Он грязный.

Отец. А кто его, по-твоему, теперь должен есть?²⁸

Давид. Никто. Выбросить – его и всё.

Отец. У тебя осталось тридцать секунд. Ты съешь суп и хлеб.

Давид *(встаёт)*. Я пойду подожду у машины.

Подходит официантка. Ставит на стол три порции блинчиков, забирает пустые тарелки отца и Арчила и уходит. Давид направляется к выходу. Отец, не вставая, ловит его за руку. Давид пытается выдернуть свою руку из отцовской, но

²⁸ А кто, по-твоему, теперь должен его есть?

тот легко привлекает его к себе.

Отец (*повернув за подбородок лицо Давида к себе и глядя ему в глаза*). Ты сейчас сядешь, съешь суп и хлеб. Понял?

Давид (*сглотнув*). Да...

Отец. «Да, папа».

Давид. Да.

Отец (*отпускает Давида*). Ладно, садись.

Давид садится и, давясь, заталкивает в себя суп и побывавший на полу кусок хлеба.

На столе – пустые тарелки.

Отец. Ну что, все сыты и довольны, и нос в табаке?

Арчил. Да, спасибо.

Отец поворачивается к Давиду.

Давид. Да...

Отец. Отлично. (*Вынимает из кармана бумажник, протягивает Арчилу.*) Зови официантку, рассчитывайся. Бери-бери. Деньги теперь будут у тебя. Я назначаю тебя казначеем нашей команды.

Арчил, взяв бумажник, высматривает официантку. Та беседует с загулявшей компанией молодых людей. Он встаёт и хочет к ней подойти.

Отец. Сядь и позови её.

Арчил. Как?

Отец. Языком.

Официантка отходит от столика с компанией, направляется к служебной двери.

Арчил. Гражд... Тётя... Эй!

Отец (*негромко подсказывает*). Можно вас на минуточку?

Арчил (*откашлявшись, официантке*). Можно вас?

Официантка (*услышав Арчила, кивает*). Сейчас.

Отец ухмыляется²⁹.

Арчил³⁰ и Давид стоят перед рестораном. Через окно ресторана виден отец, разговаривающий по телефону. В стороне, около торговых рядов, крутятся уличные мальчишки. Они поглядывают на Арчила и Давида.

Арчил. Толстый, ты чего выпендриваться с едой начал?

Давид. Да пошёл ты!..

Арчил. Сначала выпендривался, а потом всё сожрал.

Давид. Иди ты!..

Арчил. Что-нибудь поинтереснее придумал бы. (*Хлопает себя по карману.*) Видел, какая там пачка денег?

Давид. И что?

Арчил. Ничего. Приятно чувствовать себя крутым.

Внезапно Арчила по плечу хлопает подросток из тех, что крутились на рынке. Второй уже обнимает за плечи Давида.

Первый хулиган. Здорово, парни! Закурить не найдётся?

Арчил. Мы не курим.

²⁹ Отец берёт зубочистку и встаёт из-за стола.

³⁰ Арчил тоже с зубочисткой во рту, «подражает отцу».

Второй хулиган. Да ну! А в кабаке чего делали? Баб снимали?

Давид. Да ладно, ребята.

Давид пытается рассмотреть, видит ли происходящее отец. Но в окне ресторана отражается вышедшее из-за туч солнце.

Первый хулиган (*Арчилу*). Слушай, ты как моего друга назвал? (*Толкает Арчила в грудь.*)

Арчил. Я никак не называл.

Первый хулиган бьёт Арчила под дых. Арчил сгибается пополам, пытаясь вздохнуть.

Второй хулиган (*Давиду, оглянувшись по сторонам*). А ты что, жирняй, лыбишься? (*Бьёт его наотмашь по губам.*)

Давид (*вытирая кровь*). Вы что? Что мы вам сделали?

В холле ресторана. Отец разговаривает по телефону, в основном междометиями, поглядывая на происходящее с сыновьями на рыночной площади³¹.

Первый хулиган пинком сбивает Арчила на землю. Нагибается и выдёргивает у него из кармана отцовский бумажник.

Первый хулиган (*второму хулигану*). Ты смотри, Кирюха, какой чемодан!

Давид (*повернувшись к ресторану, кричит*). Папа! Папа!

³¹ Через его затылок видна драка за окном.

Второй хулиган бьёт Давида по шее. И оба хулигана улепётываются³².

Отец кладёт трубку и быстро направляется к выходу. Выйдя из ресторана, смотрит на избитых Арчила и Давида.

Арчил. Они отняли у меня деньги! Папа, их надо поймать!

Отец. Зачем? Ты сам не мог этого сделать?

Арчил. Они избили меня и Давида!

Отец. Хотите отомстить? Хорошо. Ждите меня здесь!

Отец подходит к машине, садится в неё. Уезжает.

Арчил. Куда он?

Давид. Наверное, этих искать...

Арчил. Найдёт – убьёт, наверное! Я бы убил!

Арчил и Давид ждут отца у ресторана. Рядом с ними останавливается «Волга». Отец выходит, открывает заднюю дверцу, за шиворот выволакивает из машины парня, который отобрал у Арчила деньги. Толкает его к сыновьям³³.

Отец (Арчилу). Он?

Арчил. Он! Он ударил и отобрал деньги! Гад!

Отец. Он ваш.

Давид. Как это?

Отец. Так. Он вас унизил, ограбил. Можете сделать с ним всё, что хотите!

³² Серёга, уходим!

³³ Весь эпизод – ручная камера.

Парень. Дяденька, не надо!

Отец. Молчи! (*сыновьям*) Ну и что?

Давид. Как это, сделать всё, что хотим?

Отец. Ну, можете избить его... Арчил, чего ты стоишь?

Он же тебя ударил.

Арчил (*смущённо*). Я... Я не могу! Я не хочу!

Отец. Давид? Тебе тоже досталось. Давай, сынок!

Давид. Отпусти его!

Отец поворачивается к парню, достаёт из его кармана бумажник. Парень весь съёживается, ожидая ударов.

Отец. Зачем тебе нужны были деньги?

Парень. Пожрать хотели...

Отец (*отсчитывает несколько купюр, отдаёт их парню*). Иди. Можешь считать, что тебе повезло.

Парень со всех ног убегает. Отец кладёт деньги к себе в карман.

Идёт к машине. Давид и Арчил плетутся следом.

По улице едет «Волга». Отец, управляя машиной одной рукой, поворачивается к Арчилу.

Отец. Арчил, почему ты не тронул его?

Арчил молчит.

Давид. Он не мог защищаться!

Отец. Вы тоже не могли. Похоже, у вас нет кулаков.

Арчил. Я не ожидал. Он неожиданно напал!

Отец. Плохо, что ты не ожидал. А что бы ты делал, если

б я не вернул деньги? Все наши деньги?

Арчил. Не знаю.

Давид. Ты же видел всё из окна, почему ты не вышел?

Отец. Я разговаривал по телефону...³⁴

Солнце заходит за верхушки сосен. Жаркий летний день превращается в тёплый, окрашенный красным светом вечер.

Арчил и Давид сидят на берегу реки. Едва успев поставить палатки, они распаковали своё снаряжение и теперь азартно удят рыбу. Несколько рыбин величиной с мужскую ладонь уже бьются в полиэтиленовом мешке.

Поплавок Давида пляшет на воде, дёргается, уходит под воду.

Арчил. Подсекай!

Давид. Без тебя вижу!

Давид рывком выдёргивает из воды серебристое рыбье тело. В то же мгновение поплавок Арчила тонет, натянув леску.

Давид. Клюёт! Клюёт, Арчи!

Арчил выдёргивает рыбу, но она срывается с крючка у самой кромки берега.

Давид. Держи, держи её, Арчи!

³⁴ Здесь между эпизодами сцена с покупкой мотора. Вероятнее всего – в маленьком порту, куда прибывают рыболовецкие суда и где летают чайки... Там же разговор отца и Давида: Давид: Я хочу есть. Отец: Арчил, ты хочешь есть? Арчил: Нет. Отец: И я не хочу... Жди ужина, сынок. Но за ужином, возле костра, как-то показать, что отец «подкармливает» Давида. Неточное слово, но смысл понятен.

Арчил, как вратарь на мяч, падает всем телом на рыбу³⁵.

Арчил. Помоги! Она здесь, где живот!

Давид (*подбегает к брату*). Не дёргайся, лежи спокойно!

(*Запускает руки под живот Арчила.*) Есть! Держу!

Арчил переворачивается на бок, Давид крепко держит рыбу обеими руками.

Арчил. Сколько же её здесь?!

Давид (*запихивает трепещущую добычу в мешок*). До фи́га!³⁶

Чуть выше берега, на пригорке, возле двух палаток, стоит «Волга». Капот открыт. Отец перемазанными маслом по локоть руками возится в моторе. До него доносятся вопли сыновей, но он ни разу даже не поворачивает голову в их сторону.

Стемнело. У палаток разведён костёр. Отец, Давид и Арчил сидят у костра. Отец ножом открывает консервы, режет хлеб.

Отец. Ешьте.

Давид (*бросает взгляд на шевелящийся мешок с рыбой*).

А что с ней делать?

Арчил. Можно было бы приготовить уху. Только мы не умеем. Ты умеешь, папа?

³⁵ Живая рыба.

³⁶ Возможно, выбросить эту сцену. Оставить это только фоном к следующему эпизоду.

Отец. Умею. Только я не ем рыбу. (*Делает себе бутерброд с тушёной.*) Ешьте...

Давид. А почему?

Отец. Что – «почему»?

Давид (*делает себе такой же бутерброд*). Почему ты её не ешь?

Отец. Наелся однажды... (*Ухмыляется.*) Нас пятеро было. В лесу. Километров пятьсот до ближайшего посёлка. Продукты, медикаменты, патроны привозил вертолёт. А тогда в июне вдруг пошёл снег. Там часто такое бывает. Идёт неделю, две, три... Месяц может идти. А у нас ничего, кроме воды. Да... Хлебные крошки вперемешку с табаком – всё из карманов wygrебли...

Братья заворожённо слушают отца, боясь перебить его вопросами. Хотя спросить очень хочется.

Отец (*продолжает*). В общем, все понимали, что ещё день-два – и мы начнём умирать, а снег всё шёл и шёл, шёл и шёл... Лежали в палатках целыми днями, чтобы сберечь силы... И не помню уже, наверное, в конце третьей недели я встал и пошёл. Сказал, что добуду еды. Хотя сам не знал, куда идти. Просто не мог смотреть на лица людей, окончательно потерявших надежду. (*Замолкает. Уходит в себя, потом снова как будто возвращается к сыновьям.*) Вот так... Пошёл... Решил, лучше в пути сдохнуть. В этом хоть какой-то смысл был, и потом они ведь все поверили, что я принесу им еду. Появилась надежда... И я пошёл. Взял леску, блесну

и потопал куда глаза глядят. Потом выяснилось, что я всего километра на три отошёл, а казалось, будто вёрст сто отмахал, и вот она, река... И с первой поклёвки я вытягиваю тайменя килограммов на сорок, огромного, как свинья. Полдня вытаскивал. Как я его обратно дотащил – это отдельная история, да, честно говоря, я толком и не помню: шёл, как в забытии. Думал, не дотащу... (*Бросает в костёр сухое поле-но. Его тут же жадно охватывает огонь.*) Думал бросить его, позвать кого-нибудь на помощь, но понимал, что нельзя, песцы бы вмиг его сожрали... В общем, очнулся я уже в лагере, и мне протягивают полную миску этой жирной ухи. Я с ходу пару ложек проглотил, и тут меня как начало выворачивать... Думал, умру. От еды умру... Тайменя дотащил, а есть его не мог... Вечером прилетел вертолёт...³⁷

Арчил. Папа, а где это было?

Ничего не ответив, отец встаёт, подходит к палатке Арчила и Давида, пробует, как она натянута.

Отец. Эй, орлы! Кто так палатку натягивает? (*Отвязывает крепления. Палатка падает на землю.*) Перетяните!

Отец заходит в свою палатку и больше не появляется. Арчил и Давид подходят к разрушенной палатке.

³⁷ Удалить монолог. Лишний. Словно плотину прорвало. Поток слов. Молчун вдруг заговорил. Что он нам сообщает тут? Ничего существенного. Тайна вдруг сняла покровы. Стал вдруг ясен отец. Не только нам, зрителям, но и мальчишкам. Лапидарно отказался от рассказа – «наелся однажды». Строго вертикальный план. Разборная палатка. Свет? Проблема света в этой сцене (и преимущества).

Ночь. Мальчишки лежат каждый в своём спальном мешке. Не спят³⁸.

Давид. Арчи, а что это он про огромную рыбу рассказывал?³⁹

Арчил. Про тайменя? Такие только на Севере водятся...

Давид. На Севере... Понятное дело!.. Видал, как умолк сразу, как ты его спросил, где это было... А почему?

Арчил. Мало ли... Может, не хочет вспоминать.

Давид. А почему не хочет, а?

Арчил. Заладил! «Почему? Почему?» Откуда я знаю почему! Может, он не просто так на Севере был!

Давид. А как это, не просто?

Арчил. Ну не знаю... Может, сидел там, на Севере...

Давид. Да? А за что?

Арчил. Мало ли за что... Может, убил кого или ограбил, вот и посадили...

Давид ненадолго умолкает.

Давид. Врёт он всё! И про рыбу, и про то, что он спасал кого-то... Сорок килограмм рыбина – разве такие бывают?

Арчил. Бывают и больше – акулы к примеру... Бывают, раз он говорит.

Давид. Арчи, а чего это ты так перед ним расстилаешься?

Арчил. Кто это расстилается?!

Давид. Ты, ты! Папа то, папа сё!..

³⁸ Кран-стрелка. Или стремянка.

³⁹ Говорил.

Арчил. А ты как хочешь? Он взрослый...

Давид. Взрослый! Мало их, что ли, взрослых?... В рот ему смотришь, каждому слову веришь, а он неизвестно кто! Может, бандит! Возьмёт нас и прирежет где-нибудь в лесу!

Арчил. Что?!

Давид. Что слышал!

Арчил (*начинает смеяться*). Ой, не могу! Прирежет! Ну и дурень ты, жирняй!

Давид. Посмотрим, кто дурень, когда он ножик достанет!..

Арчил (*хохочет*). Ножик! Ой, не могу! Нет у него никакого ножика!

Давид (*с обидой в голосе*). Смейся-смейся...

Арчил вдруг умолкает⁴⁰. В наступившей тишине Давиду становится страшно. Он выбирается из спальника. Ощупывает спальник Арчила. Мешок пуст. Давид таращит в темноте глаза, оглядывается.

Давид. Арчи! Арчи, ты где?

Прямо пред лицом Давида вспыхивает фонарик. Арчил, приставив его к подбородку, корчит страшную рожу.

Давид. Ай! (*узнав брата*) Сволочь! Что ты делаешь?!

Арчил (*страшным голосом, надвигаясь на Давида*). У-у-у! Сейчас я буду резать толстого глупого Давида!..

Давид (*отступает*). Пошёл на фиг! Прекрати!

Арчил. Боишься? А я очень люблю резать жирных паца-

⁴⁰ Арчил тянется к фонарику и гасит его.

нов вроде тебя!..

Давид упирается в борт палатки. Дальше отступать некуда.

Давид (*в глазах блестят слёзы*). Ну ты, гад!

Давид бросается на брата, валит Арчила на спину. Они борются, катаются по полу. Арчил сильнее. Он быстро укладывает Давида на лопатки, садится сверху, прижимает его руки к полу.

Арчил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.